

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Сладкая тайна, моя и моего брата. Часть 2

Наутро я проснулся с таким ощущением, что будто совершилось что-то новое, тайное и до сих пор я вспоминаю тот «первый раз». Впоследствии, уже я сам днём решил повторить вчерашнее действие. Сам пошел в туалет, а он у нас во дворе, так, что никто не мог заметить, чем я там занимаюсь. От одного воспоминания у меня вновь заколотилось сердце, и с замиранием, я вновь прикоснулся к своей письке, зажав её своими пальцами, вернее, как брат меня просил, положив на свою ладонь, оттопырив большой палец, я обхватил её своим маленьким кулачком. Моя пися почувствовала тёплую зажатую кулачком ладонь, на что ответила призывным приятным покалыванием и набуханием. Я осторожно начал водить рукой вверх и вниз, от этого вновь начал получать приятное чувство: покалывание стало нарастать, а моя рука стала водить всё чаще и чаще. И по мере увеличения скорости стали нарастать ощущения, уже писька стала такой твердой и горячей, что временами казалось, будто бы ничего не чувствует.

Но это было обманчивое чувство, поскольку рука продолжала двигаться, а желания прекратить эти движения не было. Закрыв глаза, я продолжал наслаждаться этими чувствами. Они постепенно стали становиться всё интенсивней, и приятней, даже показалось более приятными, чем вчера. О, какое обалденное чувство, ни с чем не сравнишь!

По-видимому, и дыхание моё стало учащаться, стало прерывистым, временами затаив дыхание, продолжал двигать рукой, помогая движениями таза, проталкивая как бы вперёд, навстречу движениям, получалось, как бы, при движении руки вниз, таз подавался вперёд, навстречу, от того пися выдвигалась больше. Правда, в то время, моя кожица на моей письке двигалась, ограничено, и головка, которая, как потом я узнал, называется залупой, не открывалась до конца, не залуплялась. Но это мне не мешало получать все новые и новые ощущения.

А они действительно, становились временами такими острыми и приятными, что заставляли дрожать все мое тело. Продолжая работать, я и сам начал ощущать всё большее нарастание чувств, щекотка стала такой невероятно приятной, что заставило меня двигать все быстрее и быстрее мой кулачок. И вот наступил нежданно-негаданно момент, ради чего, и совершалось это действие: вновь перед глазами появились разноцветные звездочки и волны, которые как бы крутились и то сгущались, то растворялись, приятное чувство тепла нарастало с каждым движением внизу живота, в области спины, каждое прикосновение к моей писе откликалось всё нарастающим чувством переполнения волн сладкой, ни с чем не сравненной приятностью, что в один из миггов, я уже не смог терпеть, хотя до этого старался терпеть, как учил меня мой старший брат.

И, о боже, всё мое тело охватила невероятная дрожь, я, сам того не замечая, сначала задержал дыхание, а затем застонал, при этом из моей писи полилась горячая жидкость. Поначалу я подумал, что описался, что заставило меня открыть глаза, и увидеть, что мои пальцы обильно облиты какой-то прозрачной, клейкой жидкостью. Так вот какая она малофья, подумал я, вспоминая разговор моего брата, правда, меня удивило, почему же она незрелая. Тогда я ещё не понимал, что у взрослых она совершенно другая. (Это я узнал, чуть позже). Обтерев пальцы об свои трусы, я ещё немного подождал, когда писька станет мягкой и обычной, и после этого вышел из туалета.

Затем день прошёл как обычно в делах, хотя время от времени, всплывали мысли и ощущения от проделанных процедур, но никому же я не смог сказать или поделиться, ведь обещал брату. Хотя и исподволь подмывала неотвязная мысль рассказать своему лучшему другу. Решил, что так будет лучше, уж во всяком случае, позже можно будет рассказать. Уже поздно вечером мы вновь легли с братом, расположились вместе и ждали, когда родители уснут. Так как наша мама, почему-то долго не ложилась, ходила из комнаты в комнату, что заставляло нас ждать. Хотя мы уже давно приготовились, так как, как только легли, я как бы нечаянно потрогал через трусы писю моего брата: она была такой же твёрдой и упругой как вчера. Да и у меня от волнения и предстоящего вскоре действия была не хуже, то же твёрдой, набухшей, хотя и тонким и упругим карандашиком. Эх, как мне хотелось иметь такой же большую и толстую писю, как у моего брата.

Наконец-то вроде всё вокруг стихло, и только мы с братом лежали, трогая друг у друга писи. Затем, также как вчера, я обхватил его огромную писю своей ручонкой, и медленно начал водить вверх и вниз, чувствуя как она все больше набухала и твердела, отдаваясь пульсом в моей руке.

Мой брат лежал на спине, откинувшись и закрыв глаза. Дыхание его ещё было не таким частым, как вчера, он, по-моему, просто млеет от счастья, и ему ни до чего не было дела. Казалось бы, хоть кто войди сейчас к нам, он бы не шелохнулся, даже бы не заметил, настолько ему, видимо, было хорошо. Может оттого, что ему не надо было меня сторониться и стесняться, а может потому, что и я привыкать стал к этому.

Продолжая двигать своей рукой, вернее кулачком, его пися вылезала из него, что я мог видеть, как кожица на его письке двигалась в такт моим движениям, я даже мог видеть каждую жилку на ней, причем его головка открывалась до конца, она была несколько сизоватого оттенка, блестела на свету и увеличивалась при каждом движении руки вверх. В какой-то момент на кончике его писи появилась такая же прозрачная капелька клейкой жидкости, и я, решив, что он закончил, хотел было прекратить движения, на что брат сказал: - Дурачок! Это только у малолетних такая малофья, а у более старших она выделяется от сильного возбуждения.

Потом он добавил, что скоро наступит решающий момент, сам факт, который он назвал "спусканием".

- Продолжай дальше, не обращай внимания, я сам скажу когда!

Двигая ручонкой, эта капля была задета моими пальцами, отчего, пальцы стали скользить по головке, заставляя брата стонать и выгибаться. И чем дальше я двигал ручонками, поскольку уставала то одна рука, то другая, его положение тела стало меняться, он стал вновь двигаться, выгибаясь, он как бы помогал мне двигать руками глубже. Иногда мои пальцы соскальзывали и всё чаще касались его головки, от этого этой клейкой жидкости становилось всё больше и больше, она уже заливала всю писю и от этого она становилась вся скользкая. Попытки же кулачком зажимать только ствол заставляли его просить меня подниматься выше, захватывая его "залупу". Он уже настолько напрягся, что движения его навстречу мне стали становиться почти постоянными, он как бы лежал весь выгнутый, лишь иногда опускаясь. Ну, вот наступил долгожданный момент, он весь задрожал, выгнулся и сдержанно застонал, с тем, чтобы не услышали родители, и я почувствовал, как по его стволу волнами и толчками движется что-то, и вот: фонтаном выбросилась какая-то белесовато-молочная жидкость, первая струя брызнула сквозь мои пальцы ему на грудь, за ней вторая, третья, казалось, что

это будет литься бесконечно, но вот толчки стали стихать, и каждая следующая струя стала всё меньше и меньше, пока не прекратились совсем. Его грудь, живот весь был залит этой жидкостью, как и мои пальцы. Я был ошеломлён увиденным. Настолько для меня это было захватывающим зрелищем, что в душе я завидовал ему. Ведь у меня не так, и если вытекало из моей письки то совсем немного, да и не такого цвета. Как я тогда мечтал, чтобы у меня было также как у него. На что мой брат заявил:

- Глупый! Подожди и у тебя так будет! Ты ещё не созрел, слишком молод! У меня, к примеру, в твоём возрасте и такого не было. Да и никто меня не учил этому!

Затем вытерев заранее припасенной тряпкой следы ещё былого «спускания», он приступил играть уже с моей писькой. Она уже была готовой, разбухшей и твёрдой. А как я уже говорил, поскольку она была значительно меньше его, то ему достаточно было зажимать лишь двумя пальцами её. Меня вновь стала обволакивать волшебное чувство щемящей щекотки и покалывания. Оно стало нарастать с каждым движением его руки. Причём, она у него была гораздо сильнее моей, и он мог двигать чаще чем я, да размер моей письки был таков, что он совершал два-три движения с моей, в то время как я совершал одно движение, но зато глубокое и медленное (у него как никак гораздо больше и толще чем мой, как он сам говорил 16 см, когда у него «вскочивший»).

Двигая рукой все быстрее и быстрее он заставлял меня чувствовать всё более захватывающе и волнующе, что заставляло меня трепетать и дрожать. И чем дальше, тем сильнее становилось это щемящее чувство. Приятная щекотка, нарастая всё больше и больше, приводила меня ещё в больший экстаз. Я уже забывал обо всём на свете, мне единственное хотелось, чтобы это чувство длилось бесконечно. Ах, как было бы здорово!

Я уже, сколько не крепился, но цветные волны вновь стали накатываться, причудливо меняя свои цвета, то сгущаясь, то мерцая, захватывая мой дух, и я уже понимал, что с каждым последующим движением его руки я приближаюсь, всё ближе и ближе к тому моменту, когда станет нестерпимо приятно и сладостно: Гулко начало биться сердце в моих ушах, потому, что я, сдерживая своё дыхание, чтобы не застонать, как бы «душил» себя, мне хотелось хватать воздух, но, задерживая свой вдох, я усиливал яркость и насыщенность красок этих волшебных волн, которые уносили меня всё дальше и дальше, в ту невидимую даль, в которой живут вечное блаженство и фантастическое сладострастие.

Я уже не понимал, что происходит вокруг, сладость ощущений стала такой невероятно чёткой и нестерпимой, что уже стала появляться дрожь, которая охватывала меня всем телом, до каждой клеточки, и вдруг: яркая вспышка молнии заставило меня содрогнуться и забиться в конвульсиях, вслед за которой последовала вторая ещё более мощная, а потом третья: Я уже не слышал своего стона, но он был настолько сильным, что брат с испугу зажал мне рот, боясь, что могут прийти родители. А от этого ещё сильнее стала дрожь и горячее чувство, которое уже целиком охватило меня. Я был оглушён и на время ослеп: перед глазами продолжали мерцать звездочки, гулко стучало сердце, дыхание моё было прерывистым и частым. Я всё ещё был в состоянии опьянения, настолько сладко было на душе. Такого я ещё не имел никогда в жизни. До сих пор вспоминаю, аж дрожь берет! Потом, видимо, от перевозбуждения, моему брату ещё захотелось повторить. Конечно, же, не мог я перечить ему. И мы ещё несколько раз за ночь драчились и драчились, пока не устали и руки не отвалились. И только потом под утро уснули сладким и мертвецким сном. Причем, утром, пробуждаясь, мы заметили, что наши руки находились друг у друга в трусах, держась за наши чудесные

ПИСЬКИ.